

ОТ ВОРОТ ПОВОРОТ

Мотор «Ямаха» взвинченно, но не захлебываясь, выдавал мощности. Имевшая следы в виде разного рода помятостей на дюралевых боках, будто побывала в серьезных боевых операциях, лодка «Прогресс» уверенно резала амурские волны. Владелец транспортного средства Серега Назаров, не убавляя скоростей, давал лево-право руля, огибая хорошо знакомые меляки и косы, а где-то и неоправданно рисковал, рассчитывая по большой воде срезать «ненужные» углы.

Встречный ветер трепал русые волосы рулевого и выдавливал легкую слезу из глаз, в которых отражались то серовато-гранитные блики воды, то ольхово-каштановые склоны круто нарезанных амурских сопок. Несмотря на осенние погоды: температурные зигзаги и нудную непроходящую морось, предвещавшую надвигающийся шторм, Назаров не кутался в теплые одеяния. Под легкой курткой нараспашку во всю Серегину крепкую грудь привычно красовался тельник, выдававший сложившееся отношение парня к жизни и былую принадлежность к морфлоту, где он проходил срочную службу. Лицо владельца лодки с задержавшейся в уголках рта легкой усмешкой в целом выражало

определенное безразличие к возможным опасностям, замешанное на браваде и решительности характера, что было прощательно для его счастливого двадцатипятилетнего возраста.

На носу лодки дозорным возлегал пес Апрель — точная копия волка (с кем его постоянно путали), который с более строгим видом, чем хозяин, неотрывно сверял правильность курса судна с прочно засевшим в его серой голове координатами и азимутами. «Морской десант» ни много ни мало направлялся из поселка Рабочий в атаку на село Федоровку, расположенную на другом берегу немного ниже по течению реки. Не впервой, проверенным маршрутом, как ходили уже много раз.

В Рабочем, где Назаров трудился электриком в единственном на весь населенный пункт предприятия — леспромхозе, организуя досуг, можно было лишь высматривать из окна разбитые лесовозами улицы, считать трудодни или напиваться до потери пульса. В Федоровке все же существовала какая-никакая цивилизация: техникум, училище, дом культуры, кафе-рестораны и представительниц прекрасного пола в сравнении с Рабочим не раз-два и обчелся. Дороги от Рабочего до Федоровки «под всеми парусами» не более сорока минут. Серега приезжал сюда по настроению среди недели, а на субботу-воскресенье обязательно.

Федоровка никогда особо не артачилась, не выставляла заслон, сдавалась и подчинялась молодечеству и удали. Был у Сереги с апрелем всегда примерно один и тот же интерес в селе. Но только, когда причалит лодка, Назаров лез в атаку по крутому берегу к ближайшим домам, где начиналась улочка, уводящая вглубь села, Апрель же шел в наступление на местности, больше ориентируясь по запахам.

Серега специально женщин не коллекционировал, так уж вышло само собой: после службы во флоте сначала водил шуры-муры с библиотекаршей Машей Репкиной, затем влюбился по уши в продавщицу Варю Ворожейкину. Надо еще признать — были разные мелкие интрижки. А когда в местную школу устроилась разведенка, вернувшаяся в родную деревню из города Нина Тарасова, что взглянет — ослепит, пронзит своим сладким голосом до мурашек в позвоночнике, запал Серега на нее.

Назаров, хоть и оптимистически смотрел на жизнь, но красноречием особым не обладал, был не трепло по натуре, наулыбаться во весь белозубый рот — это сколько хотите, это — пожалуйста. А так, придет к своей очередной избраннице, из рюкзака вывалит гостинцы на стол, проявит заботу — полюбопытствует: хватает ли денег на первостепенные нужды, и все, минимум разговоров: «Здравствуйте, это я!» Однако считал Серега, что в своих отношениях с Тарасовой место заростбил прочно, еще немного погодить и можно окончательно бросать якорь, выстраивать семейные отношения. При этом все же замечал Назаров, что в отличие от бывших пассий Нина не бросилась в их роман, как в омут с головой, вроде бы выжидала чего, с другой стороны, объяснял такое поведение женщины в ее же пользу: «Понятно. Уже раз обожглась. Не хочет больше ошибаться».

Апрель верховодил в местном собачьем бомонде. А по покоренным сердцам, надо признать, с лихвой превосходил хозяина, поклонниц у пса набиралось на добрый гарем султана. Но все по обоюдно-

му согласию. Апрель под стать Назарову, если так можно выразиться про собак, был молчун. Более того, даже Серега считал пса немым: «Случается же такое у людей, а почему не может быть у собак». Помнил Назаров, что лишь в щенячьем возрасте пару раз тявкнул Апрель, а потом как отрезало. Даже в драку Апрель вступал молча. Но желающие мериться силами с собакой-волком редко находились. Чаще стоило только показать Апрелью клыки, и этого с противника было достаточно: поджав хвост, отступал на задворки возомнивший было о себе неправдоподобное какой-либо федоровский кобель.

— Что-то ты, дружище, припозднился? — спросит Серега перед обратной дорогой, если так получалось, что пес изредка возвращался к лодке позже хозяина.

Собака выразительно посмотрит в ответ. И сразу легко читалось в глазах: «А ты-то сам в прошлый раз или, например, в позапрошлый? Устала тебя ждать на берегу. Тебя и не угадаешь. Кто знает, что тебе в очередной раз на ум взбредет».

— Ну ладно, — примирительно скажет Серега, поинтересуется в шутку: — Сложилось что у тебя? Любовь там всякая?

Но тут уж Апрель безразлично отвернется, всем своим видом показывая: «Такие темы не обсуждаются. Не по-мужски это. Понимать должен».

— Да ладно, какие мы гордые! Не-за-ви-си-мы-е! Ну, ты и собачища! — обнимет Серега пса, потреплет загривок. А Апрель и хвостом не ведет, только счастливо искрятся у него глаза.

Отношения у человека и пса были на равных, товарищеские. Кормил Серега Апреля тем, что ел сам. Назаров не то что пнуть собаку себе не позволял, не ругал никогда, да и не за что было. Если и начинал Серега, изредка находясь под мухой, воспитательно-профилактические работы с животным, то получалось, что под пристальным взглядом пса извинялся, находил изъяны в себе и переходил на самокритику.

Но в этот раз все шло как-то иначе. Держалось перед поездкой все нараставшее напряжение у Сереги. Дело в том, что в прошлое посещение Федоровки дала Нина Назарову от ворот поворот. Чаем даже не напоила. Сослалась на недомогание, на занятость, на то, что нужно проверить еще кучу тетрадок. Назаров и здесь нашел оправдание избраннице: «Мало чего, поди разбери эти женские причуды. У них за день настроение — целая роза ветров». Но дома Серега за три дня, что прошли с последней поездки, накрутил себя капитально. Перед отъездом в Федоровку принял стакашку для храбрости.

На федоровском берегу Назаров вытащил «Прогресс» подальше от среза воды, взвалил мотор на плечо, в лодке оставлять нельзя — найдутся умельцы, тихим сапом под покровом ночи обтяпают свое воровское дело и фотокарточку на память не оставят, полез в горку. Апрель, чуя, что не так развиваются события, как обычно, поплелся следом.

— Ты-то чего! Разбежались! Ты — налево, я — направо! — отдал приказ Серега четвероногому товарищу.

Назаров забросил по пути движок к корешу Коляну и направился напрямиком к Нине.

Женщина встретила Серегу на крыльце, не стала ходить вокруг да около, призналась, вот только колес правильных не подобрала, да и как их подберешь, щепетильный разговор.

— Прости, Сережа. Нам надо расстаться, — сказала Нина, внешне стараясь сохранить спокойствие, не повышая интонации, но при этом обхватив левой ладонью мизинец на правой руке и крутя его, словно хотела выдернуть с корнем.

— Почему? — упершись глазами в землю, спросил Назаров.

— Так получилось, — не найдя по-настоящему весомой причины, какую можно было вставить в разговор, Нина добавила не специально, но обидно: — Не пара мы.

Сказала, будто выстрелила. Замутнело перед глазами Назарова, света белого не видно. Но нужно марку держать, своего душевного ранения перед женским полом не выказывать.

— Кругом! Шагом марш! — скомандовал Серега, развернувшись по-солдатски — по уставу, вздернув руку к голове, еще и честь неведомо кому отдал в нокауте, в тумане, пошатываясь, побрел прочь.

Ноги сами завернули в сельмаг, взял Назаров пару бутылок лекарства с прозрачной жидкостью и во второй раз за день нагрязнул к товарищу. Поставил молча водку на стол, уселся на табурет. Колян достал из холодильника нарезанный балык, вареный картофан с собственного огорода, крупную, размером с кулак, луковицу, устроился по соседству с Серегой, невольно пустил слезу, кроша сочный овощ на тарелку. Для зачина разговора накатили по первой.

— Колись, Колян, рассказывай, как живете-бываете? — быстро хмелея, спросил Серега.

— По-разному, — неопределенно ответил товарищ, догадываясь, в какую сторону клонит гость.

— Давай рассказывай, чего тянешь-то? — опрокинув без передышки вторую порцию водки, так и не притронувшись к закуске, настырничал Назаров.

— Ты про Нинку, что ли? Про Тарасову? — спиртное развязало язык, сделало излишне разговорчивым приятеля. — Забудь!

— Почему? — пошел в лобовую атаку Серега. Какую есть, но правду, вынь ему и положи!

— Нинка-то городской жизни попробовала. А там иная карусель, иные запросы и требования! — припертый к стенке, деваться некуда, теперь не щадил чувств товарища Колян: хотел правду-матку, так слушай. — А у тебя-то что? Два класса образования. Ни дворца, ни счета в банке!

— Я не шаляй-валяй! Технарь закончил! И руки у меня не крюки! — возразил Серега, наливаясь внутренним возмущением.

— Те-ех-на-а-арь, — протянул снисходительно Колян, продолжая нагнетать обстановку. — Твой технарь против ее высшего образования ничто! Ты-то и слов не знаешь правильных, какие ей нужно сказать! Воробьем чирикаешь, а у нее запросы соловьиные!

— Ты по делу говори! Кто?

— Нашелся! Ошивается тут заезжий крендель! Доктор командировочный. Приписали к нашей поликлинике на три месяца. Людей с того света вытаскивает — реаниматор, кажись, по специальности. Как про врача, я про него ничего плохого не скажу...

— Ну? Не тяни? — перебил Серега.

— А что ну? Нинка, она, хоть и училка, но все равно баба! Ты-то где — неизвестно где! А он под боком. Со всякими интеллигентскими штучками. Язык подвешен. При костюмчике по селу шныряет. В общем, видели их вместе. За грибочками ходили. Не знаю, нашли ли чего, — словно его черти за язык тянули, разглагольствовал Колян.

Хмельная голова — плохой советчик, засобирился Серега на выход.

— Ты чего? Куда? Не дури! Что на твоей Нинке свет клином сошелся! Плюнь и разотри! — попытался остановить Назарова товарищ.

— Не наводи панику! Мне надо! — твердо отрезал Назаров.

— Ну, надо — так надо, — согласился Колян: «Может, действительно надо — удобства-то во дворе».

Серега подзадержался. А на улице ветрюган поднялся. Гром и молния! Разыгралась стихия. Ветки рябины беспокойно стучали в окно, по крыше барабанил косой дождь, по-волчьи мстительно завывало в трубе. Вернулся Назаров через пару часов мрачнее тучи. Руки битые, в ссадинах. Не сдержался, разукрасил физиономию «заезжего кренделя» по полной, несправедливо, вычурно, против закона, не совладав со своим сердечным надрывом.

— Где мотор? — учинил допрос Колян.

— Зрения нет, что ли? Где поставил, там и стоит.

Под воздействием спиртоносных градусов запоздало спохватился Колян, выскочил на крыльцо, прокричал: — Волна разгулялась! Отоспись, Серега! Амур успокоится — завтра поедешь!

Но где там! Назарова уже и след простыл. Гнал Серега лодку в ночь, в шторм, в никуда, от своего поступка, от любви, от жизни. Человеческая жизнь непросто зарождается и не зря дается, тратить ее надо вдумчиво...

На Амуре почти ничего не изменилось. Между Рабочим и Федоровкой все то же расстояние, те же объемы воды и неизменные глыбы сопок. Новый ухажер Нинки Тарасовой — реаниматор, как и положено профессионалам, реанимировался. Может, и с головой человек, врач все-таки, понял бы что к чему, не подвел бы Назарова под статью. А вот Серега...

Несколько дней дотошно обыскивая всю деревню, но так и не обнаружив хозяина, по ночам выл на берегу Апрель. А в новый шторм — ветер не удержался и пес, поскуливая, пустился вплавь через широкий Амур, собираясь против течения достичь поселка Рабочий.

ТЮХА-МАТЮХА

Кубарем катилось деревенское детство в занятиях-развлечениях, мелких бедах-приключениях. Если и мерились друг с другом дети, то не одеждой и достатком, а в играх-соревнованиях — смешленостью, быстротой и ловкостью. По зиме устремлялась ребятня на ближайший к деревне безлесный склон сопки, выходивший к Амuru, который облюбовала для катаний кто на чем горазд: на санках, на фанерках, на магазинных картонных упаковках...

До седьмого класса Илья Епифанцев особо и не задумывался о всяких серьезностях жизни. Как-то на весенних каникулах забрался с самодельными салазками на самую верхотуру покатиистой сопки, где

к сколоченному деревянному коробу прикрепил он старые отцовские охотничьи лыжи. Хотел Илья пронестись по русской горке, чтобы свистело от ветра в ушах, замирало сердце на буграх-трамплинчиках, с обязательным затяжным выездом на заледеневший Амур.

Уже разбежались порядочно салазки, и вдруг наискосок сопки объявился другой катальщик. И куда глядит раззява, несутся его санки наперерез. Илья носком правой ноги зачертил снег, собираясь зарулить в сторону. Но и второй неумеха-гонщик отвернул туда же. Тормозя что есть силы обеими ногами, стремясь предотвратить столкновение, не удержался Илья, скovyрнулся с салазок в сугроб. Потерявший седелка транспорт на чокче взвился резвым скакуном в воздух и, кувыркнувшись, вонзился в снег, обломав в щепу концы лыж-сорокоходов. Второй саночник, благополучно разминувшись с вздыбившими салазками Ильи, нырнул в снег. А его магазинным санкам хоть бы хны. Легкие, с дюралевым каркасом и невыгоревшей краской, они спружинили и, развернувшись, остановились поперек склона горки.

Снег по бокам накатанной части сопки оказался мягкий, пушистый, сугробы — земли не достать. Легко отделались лихачи-саночники, превратившись на время в зимних купальщиков. По-хорошему навешать бы приличных лещей этому горе-катальщику, что подрезал Илью. А Епифанцев, выкарабкавшись из сугроба, поспешил на помощь товарищу по увлечению, завязшему в снегу по уши. Откопал на свою голову. Оказался тот вовсе не катальщик, а катальщица! Наташка из параллельного класса, пигалица, на голову меньше Ильи, парень раньше и вовсе не обращал на нее внимания, а сейчас засмотрелся, и язык к небу прилип. Наташка в ответ замахала своими длинными заиндевелыми ресницами, словно бабочка-белянка крыльями, раскрыла широко немного смешливые, немного капризные синие глазища, в уголках которых еще затаился недавний страх. Пипетка носа у девчонки задорно вздернута, из-под вязаной шапки с узорами-оленями выбиваются непослушные льняные локоны. Хоть и испугалась до чертиков Наташка, но не плаксилась, не жалобилась, рассмеялась во весь рот! Рисковая и красивая! Сама виновата, а еще и поучать принялась:

— Смотреть надо, куда едешь! Тюха-Матюха! Убирай свою развалину с дороги!

И никакого сочувствия, сопереживания, хоть бы «спасибо» сказала, покатила себе дальше. А Илье теперь салазки тащить на горбу до дома да получать нагоняев от отца за нерачительность и головотяпство. Но если бы только нагоняев... Все, точка, закончилось Илюхино детство.

— Наш-то присох к девице! Чего делать-то будем? — ближе к окончанию выпускного класса обратилась за советом к мужу Екатерина Акимовна, уже четвертый десяток лет работавшая на одном месте — посудомойкой в школьной столовой.

— К кому еще? — поинтересовался Матвей Поликарпович, не любитель разглагольствовать впустую, а что поделать — промысловый охотник старой кержацкой закваски, а на таежной лыжне или в зимовье особо балакать не с кем, разве что начать пересвистываться с синицами или «угукать» в ответ ночному филину.

— Нашлась такая — Наташа Корсунская. Одногодка Ильи. В школе вместе учатся.

— Это дочка завклубши? — уточнил охотник.

— Она самая, — подтвердила мать.

Пустившись в непривычное для себя многословие, Матвей Поликарпович навсегда закрыл тему для дальнейшего обсуждения:

— Баловство! Финтифлюшка-то поди еще, как и ее мать! Другого поля ягода. По себе надо искать! Нечего в ту сторону даже смотреть.

Екатерина Акимовна за все годы совместной жизни ни разу слова поперек не сказала мужу, не стала перечить и на этот раз: «Может, и в самом деле молодо-зелено, перелюбится — перемелется...»

А как не смотреть в ту сторону? По дороге в школу уже который год Илья специально делал крюк, чтобы пройти мимо дома Натальи, мечтая просто увидеть, а повезет — так устроиться вслед девушке. Скрадывал Наталью, словно дорогую и редкую зверушку-соболушку. Парень видный, плечистый, вымахал каланчой под два метра к десятому классу, а подойти к девушке боится. Ростом в батю, а смиренным характером в мать.

Но деревня не город, случайных столкновений не избежать.

— А, Тюха-Матюха, привет! — припоминая курьезное происшествие на горке, поздороваётся при встрече Наташа.

А Илья замрет столбом, стоит молчком да глупо улыбается. При виде девушки предательски немели у него челюсти, тяжелым и неподъемным становился язык. Наталья прыснет в ладошку и дальше путь держит. А у Ильи схлынет кровь из головы, отступит немота, немного придет в себя и согласится: «Тюха-Матюха, так и есть, никуда не деть».

Наталя давно заметила к себе пристальное внимание Ильи, и парень, по ее мнению, всем пригож, вот только чересчур стеснительный. Притормозит она иной раз, когда Илья следом крадется, но верзила догонять не спешит, замешкается, примется в небо птиц рассматривать или старательно ковырять носком сапога землю, будто нашел что-то ценное.

На школьном выпускном ходил Илья вокруг да около, домой провожать наладился по привычке на расстоянии, мучая себя мыслью: «Ну, подойду, а что сказать-то?» Наталя сама приблизилась вплотную. Долго молчали.

— Несовременный ты какой-то, Илья! — сказала Наталя.

— Ну, куда нам, — только и нашелся чего буркнуть в ответ парень. И как это трактовать-понимать девушке?

Так и шли. Она рассказывала: какие книги читает, про свою любимицу — домашнюю кошку, и какую музыку слушает, и что жаль с селом расставаться, а придется уезжать на учебу. А он сыч-сычом, дубина стоеросовая, все молчал. У калитки засмеялась Наталя звонким, но почему-то не очень веселым колокольчиком, посмотрела с тоской-печалью на Илью, помахала на прощание рукой. Запоздало опомнился парень: «Хотел же номер телефона узнать, чтобы позвонить, коли чего». Но так и не собрался с духом.

Наталя уехала в город получать высшее образование, а Илья планов таких не строил, стал постигать отцовские науки — охотничье дело.

Зимой под Новый год припекло невмоготу, закусил удила, ломанулся из таежной избушки в метель-пургу молодой охотник. Хотел дойти до села, знал, что должна приехать на каникулы Наталья. И решил: все, баста, наберется решимости, признается в чувствах, и будь что будет, не съедят же его волки в самом-то деле... Но сбился с пути, потерял ориентиры. Если бы не батя, что, спохватившись, пошел следом, замерз бы Илья.

По весне забрали Илью в армию. И надо же, Тюха-Матюха, а учебку закончил, звание сержанта получил. Отслужил. Вернулся. Мать, зная сердечную привязанность Ильи, жалеючи, рассказала:

— Сынок, вышла Наталья замуж. Семья, дочка у нее. Учителя теперь заочно. Живут в городе. И родители ее туда переехали. Коли так вышло, чего теперь.

И остались только образы-воспоминания: маячившая на краю села, никуда ее не денешь, сопка-горка, где он впервые рассмотрел Наталью; дом, где жила девушка, все с той же калиткой и оградкой; школа, где вместе учились и часто пересекались. Так и ходил туда-сюда Тюха-Матюха, не отпускали мысли-якоря.

Родители раньше срока полегли в землю один за другим. Матвея Поликарповича поломал озлобившийся раненый медведь. Врачи так и не выходили отца. К Екатерине Акимовне от переживаний за мужа хворь привязалась. И здесь медицина оказалась бессильна.

Илья до последнего держался отцовского промысла. Ставил-правил охотничьи избушки, ловил соболя, норку, белку, вроде все получалось, возвращался с промысла не пустой, но настали времена «рыночные», заготконтора закупала шкурки за копейки. На стороне Епифанцев покупателя не искал и, получалось, сидел на воде и сухарях. Женщин сторонился, стеснялся, избегал, к тому же не заживали, бередили старые раны. Да и если на то пошло, что он мог предложить женщине? Кто пойдет за голытьбу — олуха царя небесного? Коли есть в кармане гроши, то и мужик хороший!

Надо было что-то решать, благо районный центр на другой стороне Амура, есть регулярная паромная переправа. Закончил Илья районные курсы водителей, стал шоферить в леспромхозе. А как тридцатник стукнул, подался Епифанцев по контракту к золотодобытчикам в соседний район. Там высмотрела Илью и прибрала к рукам повариха Людмила — из местных, с двумя нажитыми от разных мужиков ребятишками, от неустроенности жизни беспокойная и крикливая бабенка. Илья, не привычный к женскому вниманию, воспринял свалившуюся заботу как должное, как божий промысел, взял ответственность за детей, сюсюкался и нянькался с ними лучше иного воспитателя. Старался делать всю мужскую работу по дому и вдобавок половину женской прихватывал, увидел в супруге пострадавшего человека, был покладист, уважал, жалел, берег. И Людмила со временем оттаяла, оценила свое счастье, прикипела к мужику, раскрылась как женщина, родила ему еще двоих ребятишек. Полюбила Людмила Илью и безумно ревновала к другой былой жизни, о которой, сколько она ни пыталась, он ничего не рассказывал, к какой-то неизвестной, наверное, божественно красивой Наталье, имя которой вот уже сколько лет прошло их совместной жизни, но во сне, счастливо при этом улыбаясь, нет-нет да и называл олух царя небесного — Тюха-Матюха.